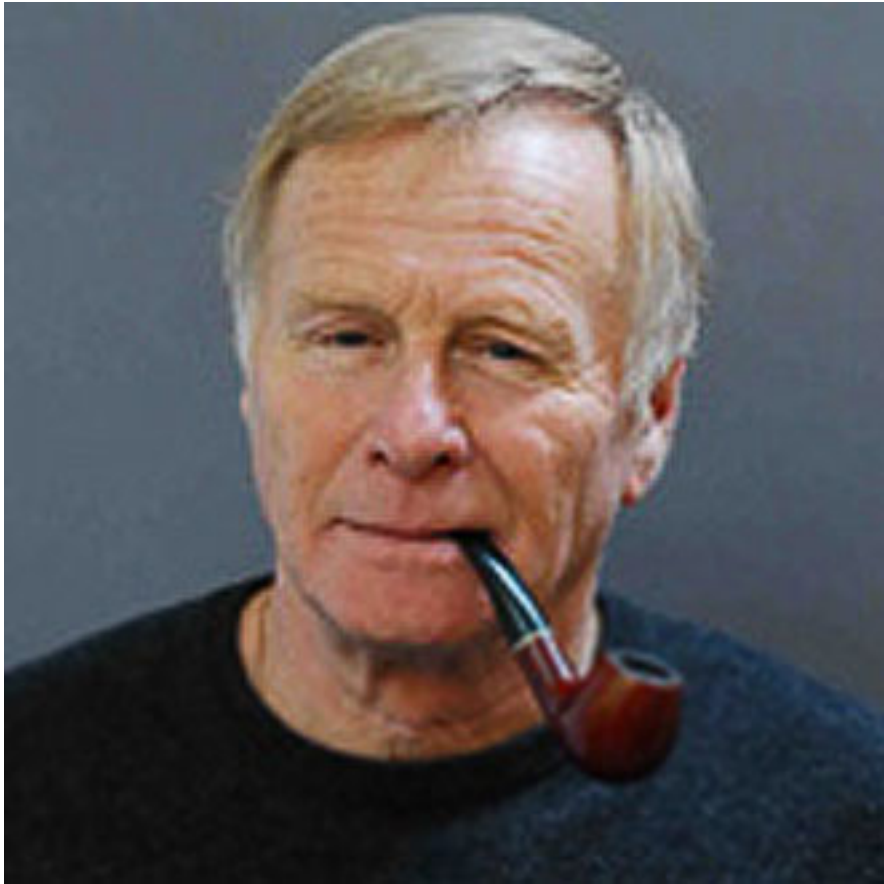

Стихотворения, предложенные в ТОП-10 чемпионата членом Жюри конкурса. Лучшие 10 стихотворений будут объявлены Оргкомитетом 30 мая 2012 года.

[1. Наталья НЕЧАЯННАЯ. Москва, Россия](#)

Хоронила

хоронила первого – воздух рычал и выл. столько плакала – леденела в глазах вода.
говорила себе: «не ходи к берегам Невы, не бросайся к подъезжающим поездам».
почернела вся – превратилась в золу и смоль, в опустевший храм, в переплавленный
старый крест. сколько горя взяла, сколько ужаса, милый мой. кто же будет теперь
хранить тебя и беречь?

а второго везла – не могла ни рыдать, ни жить: говорила беззвучно, ходила, не чуя ног.
(так становишься островом в море среди грозы, и твой остров неспешно, но верно идет
на дно. покрывается мраком: съедает любимый дом, угрожает спасительным стенам,
родным вещам. превращается в точку, молчащую под водой. онемевшую, словно пустая
твоя душа).

вот такое сиротство – наследственное клеймо. родилась всем чужая: подкидыш, дурная

кровь. никогда не услышишь: «родная, пойдем домой», потому что таким не положены дом и кров. им шататься ничьими, не ведать добра и сна. ни кола ни двора: бесприютные, словно тень.

если нужно, господь, чтоб я вечно была одна, то забрал бы меня и не тронул моих детей.

я не в силах сражаться: победу взяла беда. вместо воздуха горе: ни выдохнуть, ни вдохнуть. прижимаю рисунки их («горки» и «поезда», «мама, папа и я отправляются в добрый путь», «космолет покоряет большой внеземной маршрут»), прижимаю и вою, как сбитая пулей дичь.

отче наш, ничего не желаю и не прошу.
не даруй мне, пожалуйста, третьего.
пощади.

2. [Наталья НЕЧАЯННАЯ. Москва, Россия](#)

Господи, сделай меня солдатом

Господи, сделай меня солдатом. Всеподчинённым и подкомандным. Чтобы сказали: «Иди туда-то!», а им не выкрикнешь: «Негуманно!».

Чтоб приказали: «Наталья, лодырь, - бег, отжимания до упаду». Ты же – протестом не режешь глотку, ибо: «Есть ёмкое слово: надо».

Господи, дай мне мое солдатство. Полнобезволие, всеконтрольность. Чтоб показали, куда податься. Чтоб разъяснили, что «К черту – вольность».

Чтобы послушна, как под наркозом. Скажут: «Спи, стоя!», ну, значит, стоя. Скажут: «Сдавай-ка на экспорт кожу!», и не возникнет вопроса: «Стоит?..»

Чтоб каждый день, как устав, - не ново. Чтобы путь топтан, знаком, заказан. Чтобы сказали: «Забудь такого». И забываешь – приказ приказом.

Чтоб все по графикам, цифрам, датам: время чихнуть, рассмеяться, охнуть.

Господи, сделай меня солдатом. Господи, дай мне команду сдохнуть.

[3. Михаил ДЫНКИН. Ашдод, Израиль](#)

Всадник

видишь, скачет всадник; то панцирь на нём, то плащ
и чужая речь обвивает его как плющ
это Дьявол шепчет: твой господин – палач
дама сердца – шлюха, раб замышляет путч...
это Бог внушает: так, мол, друг, да не так
и потом, могло быть и хуже, нет?
и рисует в воздухе катафалк
для наглядности, и выключает свет
всех семи небес, и слова Его точно нож
под лопаткою, и рудимент крыла
вызывает смех у ангелов верхних лож
и по их щекам течёт вместо слёз смола
и уже не важно – снег ли за ворот, град
чьи костры пылают за ледяной рекой...
ничего не надо, ибо что рай, что ад
по большому счёту разницы никакой
ибо ты и есть тот всадник, и шёпот, и нож
и тень
скачущего кентавра в зрачке твоём
и там, где святое место всего пустей
(что бы ни говорили тебе о нём)
только чёрный аспид сворачивается в клубок
да висят распятые на столбах...

что, жутко? – спрашивает Лукавый
шутка! – хохочет Бог
и не разберёшь, кто из них держит банк

[4. Ирина РЕМИЗОВА. Кишинев, Молдова](#)

Пуговичный дом

В башне из-под польской карамели
(не бывает зданий обжителей),

местопребывание имели
пуговицы всяческих мастей,
разного колёра и калибра,
статуса, достатка, ремесла...
В старом чемоданчике из фибры
спрятана кунсткамера была.

Жизнь текла вольготно и лениво,
только иногда пускался в путь –
в ателье, по воле индпошива –
подходящий к ткани кто-нибудь,
по дорогам самострочной моды
торопясь настранствоваться всласть,
чтобы возвратиться через годы
или оторваться и пропасть.

И, когда грустилось и хворалось,
а порой и вовсе просто так,
чемодана челюсть поднималась,
открывая сущий кавардак:
там, на дне, в коробочке с картушем,
полонил неведомый кашей
круглые разрозненные души
отошедших в прошлое вещей.

Виделось, как будто бы в гостиной
собирались поиграть в лото
бабушкина юбка из поплина,
молодое мамино пальто,
кто-то незнакомый в коверкоте,
платье с отложным воротником,
папина рубашка, кофта тёти
и пуловер, вязанный крючком.

И казалось: ничего дороже
в целом свете не было и нет
чемоданчика с бумажной кожей
и цветной жестянки без конфет:
там дышало весело и мудро
в дырочки, четыре или две,
время из стекла и перламутра,
с местом состоящее в родстве.

5. Гайй ФРИДМАН. Хайфа, Израиль

Варианты

Покидая в поезде кутерьму,
толчею и прочий хаос вокзала,
подготовь себя ко всему тому,
что гадалка старая предсказала.
Проводница Клавдия вдрызг пьяна.
Ни о чём упорно бубнит попутчик.
В поездах нельзя полагаться на
то, что время вылечит, жизнь научит.
Будь себе учителем и врачом
и, пока водитель считает шпалы,
слушай трёп попутчика ни о чём
и рассказы Клавы о чём попало.
Если твой сосед не обрежет нить
разговора, лишка хлебнув из фляжки,
если Клава станет тебя дразнить,
задирать подол, оголяя ляжки,

притворись умело, что ты простой
представитель армии пассажиров:
демонстрируй прыть, боевой настрой,
правоту, умение беситься с жиру.
Ври прекрасной Клаве, что всей душой
с малолетства тянешься к проводницам,
что готов отдаться любви большой,
соблазниться, сблизиться, породниться.
Потрепав попутчика по плечу,
взяв стакан, бочком пробирайся к двери.
Если спросят: «Хочешь?», ответь: «Хочу!»
и когда тебе, наконец, поверят,
резко в лоб соседу метни стакан,
убедись, что Клава тебя боится,
и шагни за двери, где ждёт стоп-кран,
полоса в газете и психбольница.

Или Клаве сам задери подол,
а потом, её красотой сражённый,
попроси деньжат у соседа в долг.
Если даст, возьми проводницу в жёны
и сыграй с ней свадьбу в своём купе
(пусть попутчик песню споёт любую),

веселись безудержу, водку пей,
благоверной пьяной до слёз любуйся.
Поселитесь в тамбуре. По утрам
о любви воркуйте, смотрите ящик,
принимайте вместе по двести грамм,
близко к сердцу, меры, гостей курящих.
Вы семьёю будете дорожить,
запасаться впрок и бельём, и чаем
и безбедно, счастливо, долго жить-
поживать, друг в дружке души не чая.

Или скрой за шторами век глаза,
заслони щитами ладоней уши,
не смотри вперёд, не смотри назад,
никому не верь, никого не слушай.
Повернись к стене и считай до ста.
Потому что ночь, потому что поезд.
Потому что ты от всего устал,
сыт по горло, окаменел по пояс.
Гробовым молчаньем заполни рот,
даже если вкус нестерпимо горек,
потому что ты убегаешь от
вот таких попутчиков, клав, попоек.
Ощущая рёбрами стук колёс,
немоту охотно приняв за норму,
просто жди, пока скоростной колосс
твою тень не выплюнет на платформу.

[6. Анастасия Лиене ПРИЕДНИЕЦЕ. Саулкрасты, Латвия](#)

Доната

Все-то соседи знают, что по утрам
Доната Балоде первой приходит в храм.
Вечно тиха. Опрятно, скромно одета.
Редкое благочестие — в двадцать лет-то!

«Боженька, дай нам зиму чуток теплее —
много ли дров запасает в кризис народ?
И пусть мои родители не болеют,

и пусть братишка десятки из школы несёт!
Пусть Алдис в своей Ирландии заработает лишний грош!
И пусть за это за всё — лишь меня у них заберёшь!»

Алдис — особая песня. Приятель из чата.
Ни разу не виден, однако — навек любим.
Вчера написал: «Я скучал по тебе, Доната».
Доната прочла — «я тоже любима им».

Ах, жалко — не видит, жалко — не слышит он,
как чисто и звонко Доната поёт канон —
и голос ровен, и руки чуток дрожат;
от свечек, от щёк хористов плывущий жар —
и слёзы в глазах прихожан!

Доната сделала сайт: алдис-эрманис-точка-ком.
Коллажик из фото, найденных в соцсетях.
Веночки из пиксельных роз — и стихи о том,
что Алдис ей свет на мрачных ея путях.

(Доната не знает, что в этом сумбуре чувств
Алдис прочёл одно: «Я к тебе хорошо отношусь».)

...Доната который час сидит у окна.
Цикады и флоксы приветствуют гимном август,
однако Донате отныне лето не в радость:
у Алдиса новый статус: «почти женат».
И падает, падает взгляд — в законную тьму:
«Какого чёрта, Господи, почему?!»

7. [Анастасия Лиене ПРИЕДНИЕЦЕ. Саулкрасты, Латвия](#)

Филин

Дайнис Озолиньш — эдакий Адонис
латвийского розлива: статен и мускулист.
И синеглаз-то Дайнис, и белобрыс.
Фамилия Дайниса означает «дубок»,
однако Дайнис — весьма приличный юрист,
разум, как сельский колодец: холоден и глубок.

Один таракан у Дайниса. Как огня
боится Дайнис простого словечка «я».

«Да? И что тут такого?» — спросят меня. А вот же:
кто-то скажет: «ну, я пошёл» — этот скажет: «пора идти».
Кто-то скажет: «я должен» — а этот скажет: «человек должен».
И глядит, как филин с еловой лапы: вот-вот нападёт, скогтит!

Половина его друзей заявила самоотвод,
а Ирена Динвалде, понимаете, с ним живёт.

У Ирены прадед был немецкий барон,
но с её рыжей стрижкой забавляются семь ветров,
а глаза у неё — как летний Рижский залив!
А безличности ей, конечно, не завезли.

«Я люблю тебя, Дайнис!» —
«Ирена, ты опять о себе!
Ты о чём-то другом говорить способна? Хотя бы час!
«Я» да «я», словно ты — пуп земли или центр небес!
И вообще: о чувствах надо молчать!»

Ирена кричит: «Я прибую тебя, идиот!»

А на самом деле
боится, что он без неё умрёт.

Представляется ей: вот прогонит его взашей —
а он рухнет оземь да филином обернётся
и, свирепо-беспомощно щурясь от майского солнца,
улетит из города в лес — учиться ловить мышей,
промахнётся, сломает крылья — и будет съеден
кем-нибудь из хищных соседей.

[8. Светлана ШИРАНКОВА. Москва, Россия](#)

Пристань сорока шоссе

Столица – пристань сорока шоссе.
Сюда приходит каждый одиссей

И учит по ускоренной программе
Язык – неглинный, трубный, моховой;
Брусчатка облаков над головой
Пружинит под тяжелыми шагами:
Архангелов почетный караул
Москву по кромке МКАДа обогнул.

Бог перекрестков, сидя на Тверской,
Орудует в наперстки день-деньской
И шарик солнца под Манежной прячет,
А ты плывешь, пятак зажав в руке.
Ручей Варварки вынесет к реке
Трамвайчик и косяк машин в придачу –
Сквозь грязь и хлябь просоленной зимы
В неистребимый запах шаурмы.

Смеется март, гуляка и ходок...
Эй, одиссей, купи себе хот-дог
И полвесны московского разлива.
В Гребном канале проступает Тибр,
Над Пушкинской вспухает Палатин,
Мимоза превращается в оливу,
И варвары, как и пристало им,
По камешку разносят Третий Рим.

Нетороплив столичный рагнарек.
Ты, одиссей, ступай себе в ларек,
А лучше возвращайся на Итаку.
Не тронь времен ослабленную связь.
Твоя война еще не началась,
А там, глядишь, и Троя сменит власть,
И пенелопам не придется плакать.

9. [Светлана ОС. Москва, Россия](#)

Жанна

Полуночный призрак в доспехах ржавых
Тянет дней минувших кровавый след...

Мне дорога - вечность, мне имя - Жанна.
Это мой последний мирской рассвет.
Обернуться личным армагеддоном
Предрекал судьбинный расклад. И вот
Этим утром выше любого трона
Мой на совесть собранный эшафот.
Что ж, реальность, Карл, - это пепел сказок,
В ней у стольких столько не сбылось...
Не держите зла, что за сотней масок
Я невольно видела Вас насквозь
И, возможно, тем нанесла обиду,
Преступив смирение и покой.
Полно, Карл, не бойтесь, я Вас не выдам,
Ваша тайна тихо умрёт со мной.
А когда из памяти всё сотрётся,
Вы ещё полюбите этот свет,
Где для Вас хранимое Вами Солнце
Не погаснет тысячу тысяч лет.
Но когда на лики роняя тени,
В старой церкви, вспыхнув, сгорит свеча,
Вам на миг почудится треск поленьев
И рыданья пьяного палача...
Да избавь Вас Бог от таких кошмаров,
От души терзаний и прочих бед.
Уезжайте, Карл. Во дворце у Клары
Ждут её кораллы и Ваш кларнет.
Там, где бьют фонтаны и флаги реют,
Где приправа жизни ещё остра...

Через Ваше сердце других согреет
Поминальный жар моего костра.

10. [Светлана ОС. Москва, Россия](#)

Металл и камень, камень и металл

И век бы думать о воде и хлебе,
Раз путь широк, да некуда ступить...
Нас было больше, чем светил на небе,
Нас было меньше, чем могло бы быть.

И не ропща на выпавшую долю,
Любой от прочих лучшего не ждал,
Чем твердый разум и стальная воля -
Металл и камень, камень и металл.

Тонули дни во мраке и крамоле.
Мир и друг друга видя без прикрас,
Чем мы острее не чувствовали боли,
Тем боль острее чувствовала нас
И длила время битв на поражение,
Где против тех, кто кровью истекал,
Мы обращали слово и движение
В металл и камень, камень и металл.

И знать бы нам, безумцам и героям,
Живущим, гидру вечности дразня,
Что тех, кто уцелел на поле боя,
В сырую ночь на площади казнят
И для иных на месте эшафота
Под рёв толпы воздвигнут пьедестал
Непревзойдённой, мастерской работы... -
Металл и камень, камень и металл.

{jacomment off}